

Татьяна Матасова

Последний герой удельной Руси: новая книга об угличском князе Андрее Большом*

Tatiana Matasova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The Last hero of Appanage Russia: a new book about Prince Andrei the Great of Uglich

DOI: 10.31857/S2949124X23020153, EDN: VKEOZF

История складывания единого Русского государства в XIV–XV вв. нередко воспринимается как история возвышения Москвы, что подразумевает изучение территориального роста Московского княжества и борьбы московских князей с Ордой, Литвой и некоторыми русскими землями. Тем не менее у каждой из земель была своя — яркая и самобытная — история. Широко известны многие страницы прошлого Новгорода, Пскова, Твери, Рязани, Смоленска и других городов — центров самостоятельных, крупных и динамично развивавшихся территорий. Иначе обстоит дело с Угличем, принадлежащим к числу древнейших русских городов. Средневековый Углич — *Угличе поле* — обладает исключительно богатой историей¹. В 1930 г., когда ещё не был разрушен выдающийся пример средневекового зодчества — собор Покровского Паисиева монастыря, А.Н. Греч посетил город и сравнил его по наполненности уникальными памятниками культуры и драматизму социально-политической жизни с маленькими городами Италии². Сохранившиеся архитектурные древности Углича в основном восходят к XVII в., однако самым ранним из дошедших до нас средневековых сооружений города является тронная палата княжеского дворцового комплекса, возведённая в 1480-х гг. Чаще всего это кирпичное

здание, запоминающееся своей сдержанной красотой, называют «дворцом царевича Димитрия», поскольку младший сын Ивана Грозного жил здесь после смерти отца до своей гибели 15 мая 1591 г. Кажется, именно царевич Димитрий, канонизированный в 1606 г., ввёл Углич в «большую историю России».

Между тем возведение палаты относится ко времени правления удельного князя Андрея Васильевича Большого Горя (1446–1492). Хотя его трагическая судьба вызывала интерес исследователей³, до недавнего времени о нём как о выдающейся фигуре русского Средневековья не вышло ни одной по-настоящему крупной научной работы. Этот пробел восполнил недавно увидевший свет в издательстве «Угличе поле» труд С.Ю. Шокарева «Андрей Большой Углицкий: Судьба и эпоха». Эта книга вписывается в довольно внушительный ряд исследований по истории Угличской земли эпохи Средневековья, осуществлённых в последние годы. Книга задумывалась как комплексный рассказ об Угличе XV в., о развитии тех многообразных сфер, к которым был причастен князь Андрей, ведь он был «выдающимся деятелем местной истории. Его правление — золотой век Углича и Угличского княжества, ознаменовавшийся церковным строительством, созданием произведений искусства,

* Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий: Судьба и эпоха. Углич: Угличе поле, 2022. 424 с.

развитием местных школ и традиций, подъёмом духовной культуры» (с. 366).

Книга написана с опорой на широкий круг источников, как хорошо известных, так и практически не изученных. Шокарев привлёк к исследованию не только письменные памятники (по Угличу их не так уж мало, но большинство из них XVII–XVIII вв.), но и обильный вещественный и археологический материал. Автор прекрасно знаком с историографией, причём не только «столичной». Книгу отличает нежное внимание к современной углической научной и просветительской традиции. Это оправданно: тонкие наблюдения по истории Углича эпохи князя Андрея, сделанные выдающимся краеведом и популяризатором В.А. Гречухиным (1941–2022), а также видным специалистом по древностям Углича А.Н. Горсткой (1941–2021), дают щедрую почву для дальнейших размышлений и анализа. Книга посвящена памяти этих талантливых учёных.

Попытка представить портрет князя на фоне эпохи — ход исключительно выигрышный. Рассказывая о семье и окружении Андрея Большого, круге его интересов и устремлений, Шокарев неизбежно выходит на многотрудные проблемы социально-политической истории России середины — второй половины XV в. Среди этих проблем выделяется не только борьба с удельной системой, которую вёл Иван III — «государь всея Руси» и старший брат Андрея. Не менее важна проблема положения (и самоощущения) князя во властных институтах рождающегося Русского государства. Шокарев задумывается о мотивах поступков князя, о природе его мыслей и чувств. В этом он следует традициям, развитым в новейшей историографии Н.С. Борисовым, перу которого принадлежат биографии многих русских князей XIV–XV вв.

В условиях скудости источников понять героя XV в. оказывается не всегда просто. Но автору удалось найти тонкий баланс между твёрдой почвой источников и предположениями. Шокарев на удивление взвешенно описывает обстоятельства рождения и становления личности князя. Удачно он передаёт и сложные чувства, которые его герой мог испытать, получив в удел Углич по завещанию Василия II: «Чувствовал ли Андрей Большой символическую тяжесть отцовского дара? Рождённый в Угличе, он получил Углич, наполненный мрачными воспоминаниями об отцовской темнице... Можно ли было не думать об этом? Или счёты прошлого были списаны и забыты? Каково было князю Андрею на своём кремлёвском дворе входить в комнату, где его отцу выкололи глаза? А как быть с тюрьмой, где томился когда-то отец? И сохранился ли в Угличе тот опальный двор, в котором содержали мать, братьев и его самого? Тени прошлого носились над настоящим и грозили будущему. Думал ли об этом Андрей Большой, въезжая в стольный град своего княжества под приветственные крики горожан?» (с. 94–95).

Большую ценность для науки представляет предложенная Шокаревым новая трактовка прозвища князя Андрея — Горяй: прозвища князей Ивана Калиты, Симеона Гордого, Ивана Красного представляют головоломки для исследователей. Автору удалось показать, что традиционное понимание прозвища «Горяй» как «горячий», «вспыльчивый» едва ли соответствует стилю поведения князя, которого — как показано в книге — отличала рассудительность, твёрдость и храбрость. По мнению Шокарева, «это было домашнее, семейное прозвание, связанное с бедствиями, окружавшими семью Василия II во время рождения Андрея Большого.

«Горай» — сын, рождённый в горе, в угличской ссылке... Потому-то и так был дорог этот сын матери, что он был, возможно, единственной радостью в те горестные дни» (с. 301).

Шокарев стремился раскрыть различные грани личности и деятельности князя. Он обратил внимание как на фрески, иконы и уникальные рукописи, созданные при дворе Андрея или в кругу его приближённых (знаменитый «Леонтиевский чин», Паисьево Евангелие и Угличская Псалтирь, ряд несохранившихся памятников), так и на сюжеты куда менее известные. Показано, что при князе численность населения Угличского края заметно возросла, что он, заботясь о вверенных ему людях, строил дороги (с. 126). Масштабная строительная деятельность Андрея Васильевича занимает большое место в книге (с. 132–162).

Кажется исключительно важным, что, реконструируя окружение князя, автор большое внимание уделяет не только светским (с. 126–131), но и духовным лицам. Андрей Большой был не просто ктитором многих храмов и монастырей: он окружил себя праведниками. Угличским подвижникам конца XV в. в книге посвящена отдельная глава. Прп. Паисий Угличский⁴ — племянник прп. Макария Калязинского, прп. Кассиан Учемский — мангупский князь Константин, прибывший в Россию в окружении Софьи Палеолог⁵, прп. Варлаам Улейминский, привезший в угличские пределы чудотворный образ свт. Николая из Бари⁶, прп. Антоний Краснохолмский, подвизавшийся на территории Бежецкого верха⁷ — основатели прославленных обителей, собеседники и, вероятно, сомолитвенники князя Андрея⁸. Широкое почитание этих праведников относится к XVII–XVIII вв., к эпохе осмысления угличскими книжника-

ми последствий Смуты. Преподобные Паисий и Кассиан с XVII в. воспринимались как главные покровители города, пережившего страшное «разорение литовское» 1609 г. Не случайно именно они изображены на иконах над дяконскими воротами в Спасо-Преображенском соборе Углича⁹.

Как видим, Углич XV в. не только был «овеян мрачной славой» (с. 94), но и наполнен людьми, поставившими на первое место спасение души. Учитывая эти обстоятельства, князь Андрей предстаёт уже не как правитель, обуреваемый сугубо мирскими интересами, не как мятежный «сторонник удельной системы», думавший лишь о собственном благополучии, а как человек с чуткой душой, о каких на Руси говорили: *взыскующий Града*. Автор справедливо выделяет фигуру прп. Паисия как «центральную в окружении князя» (с. 172). Исключительно удачным оказался и очерк о прп. Кассиане Учемском (с. 187–211), конкретных данных о жизни которого крайне мало. Шокареву удалось осмыслить глухие свидетельства источников об Учемском чудотворце и многообразные гипотезы исследователей вокруг них. В книге содержится наиболее полная на сегодняшний день биография прп. Кассиана¹⁰. История же его посмертного служения (через чудеса) и основанного им Учемского монастыря заслуживает специальных исследований¹¹.

Сильной стороной книги является внимание к актуальной проблеме социально-политического влияния русских княгинь. Автор подробно рассматривает отношения князя Андрея с матерью — Марией Ярославной, являвшейся одной из наиболее влиятельных женщин второй половины XV в.¹² Подчёркнуто, что Андрей был её любимцем, мать не раз заступалась за него перед старшим сыном (с. 61–62, 102–105, 258). Сложно не согласить-

ся с Шокаревым, подчёркивающим, что «примиряющая и объединяющая роль матери в княжеской семье была огромной» (с. 258). Показательно, что Иван III решился на расправу над братом только после смерти Марии Ярославны. Новейшие исследования показывают, что княгини могли играть существенную роль в семье и социуме, получая имущество и реальное общественное влияние после смерти супругов¹³. Мария Ярославна, скончавшаяся в 1485 г., пережила Василия II Тёмного на 23 года и потому была важным действующим лицом при московском дворе.

В книге найдены нужные слова для раскрытия семейной драмы московских Рюриковичей начала 1490-х гг.: без надрыва, но обстоятельно раскрыта история заточения Андрея Большого Иваном III. Эта трагедия — одна из многих, на которых возросло московское самодержавие — не один век осмысливалась угличанами. Итоги этих размышлений нашли отражение в исключительно красочной местной старообрядческой книжности. Угличские летописцы в совокупности сохранившихся списков и редакций — широкое поле для интерпретаций и научных споров. Стоит согласиться с Шокаревым в том, что «к сообщениям угличских летописцев о Средневековье следует относиться с осторожностью, допуская вероятность их древнего происхождения, но подвергая их должной критике». Не менее справедливы слова исследователя о том, что в изучении этой группы памятников гораздо более важен вопрос о её «мемориальной и идейной функциях» (с. 343), в основе которых лежало стремление запечатлеть связь материального и духовного пространства города: «Князь Андрей и его сыновья были для летописца XVIII в. духовными правителями Углича, пребывающими совместно и в городе,

и на небесах» (с. 348). Известно, что князь Андрей канонизирован старообрядцами, сохранилось Житие князя, составленное в тех же традициях, что и угличские летописцы. Текст Жития опубликован И.В. Сагнаком дважды, но оба раза — в редких сборниках¹⁴, и потому источник приведён в качестве одного из приложений к книге. Нет сомнений, что теперь изучение этого памятника активизируется, что, безусловно, приведёт к важным открытиям.

Глубокий анализ свидетельств об одном из последних уделов и о судьбе князя Андрея с неизбежностью привёл Шокарева к размышлениям о возможных изменениях вектора социально-политического развития Руси в конце XV в. Конечно, любые попытки говорить об исторических альтернативах следует предпринимать с большой осторожностью. Тем не менее автор справедливо замечает, что «правильная постановка вопроса об альтернативах опирается не на фантазии о вероятностях, а на изучение имевшихся тенденций, которым не было дано развиваться» (с. 270). Автор вспоминает заслуживающие внимания наблюдения С.А. Шарова-Делоне (1956–2019), отмечавшего заметные тенденции к иерархической федерации русских княжеств, сложившиеся в XIV в. Этим воззрениям во многом созвучны некоторые выводы В.Б. Кобринина и А.Л. Юрганова, также осмысленные в книге. Вообще, автору удаётся выигрышно представить собственные соображения о вероятном — федеративном — характере развития русских земель, раскрыть причины, почему эта возможность не стала исторической реальностью (с. 270–287). И хотя соглашаться с размышлениями автора на эту тему не обязательно, в любом случае грамотная постановка этого «трудного вопроса» вызывает большое уважение. Подобный опыт анализа

источников сквозь призму проблематики несостоявшихся альтернатив социально-политического развития следует признать успешным.

Нельзя не отметить и того, что книга написана прекрасным языком, автором созданы яркие образы эпохи и её главных героев. Приятным дополнением к книге является карта Московской Руси около 1475 г. Работу с изданием облегчают указатели и обширная библиография. Книга С.Ю. Шокарева является ярким и интересным примером изучения актуальной темы – путей социально-политического развития Русского государства на важном этапе его становления. Среди заслуг автора стоит выделить его стремление к составлению всеобъемлющего рассказа об истории Углича, сюжеты которой сгруппированы вокруг фигуры Андрея Большого. По прочтении книги у читателей не остаётся сомнений в том, что «угличская тема отнюдь не провинциальна, как это может показаться на первый взгляд» (с. 11), а потому «Углич заслуживает особого внимания и особого разговора» (с. 15). Автор скрупулёзно собрал сведения об «обломках, осколках, фрагментах неведомой нам стародавней жизни» (с. 227) города XV в., благодаря чему Андрей Большой предстаёт перед нами во всём масштабе своей выдающейся личности, как интеллигент и созидатель, взыскующий правды и Царствия Небесного. Автору удалось собрать солидную доказательную базу тезиса о том, что князь Андрей «не был мятежником, сепаратистом, изменником» (с. 365). Представленные в книге сведения делают очевидным то, что личность князя Андрея много шире и глубже образа «врага централизации и прогресса», каким он представлен в большинстве трудов – даже самых серьёзных – по истории средневековой Руси.

Примечания

¹ Интересна, хотя и мало изучена, ранняя история города. Весьма примечательны и события, связанные с судьбой святого благоверного князя Романа Владимировича (XIII в.), и перипетии, последовавшие за его смертью (см. подробно: *Горский А.А.* От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010. С. 15–23).

² А.Н. Греч писал: «Это город-музей, город архитектурных, бытовых и социальных анахронизмов... Верно поэтому насыщен Углич стариной, насыщен ею так, как маленькие города Италии» (Цит. по: *Горстка А.Н.* Иконы Углича XIV–XX вв. М., 2008. С. 26).

³ Тем не менее было опубликовано несколько серьёзных работ о князе Андрее, в которых высказано немало ценных наблюдений (*Борисов Н.С.* Горький удел: Московское вероломство 7000 г. // *Родина.* 2003. № 12. С. 34–39; *Горстка А.Н.* Горяй (повесть об Андрее князе Угличском). Углич; Рыбинск, 2005; *Гречухин В.А.* Лики Четвёртого Рима. Ярославль, 2004; *Гречухин В.А.* Героический пессимист (Андрей Большой в большом времени) // Сообщения научных конференций Угличского музея 2006, 2009 гг. Углич, 2012. С. 8–14.

⁴ *Сосновцева Е.Е.* Житие Паисия Угличского. Исследование и тексты. М., 2020.

⁵ *Смирнов В.Г., Наумова Е.А.* Византийский князь на Мышкинской земле. К 510-летию со дня преставления св. прп. Кассиана Грека // Мышкинская лоция. Краеведческий журнал. 2014. № 9(15). С. 13–21; *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Учемский – грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итталииския страны». К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв. // История и культура Ростовской земли. Материалы XXIX научной конференции. Ростов, 2019. С. 43–52; *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Учемский – грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 153–164.

⁶ *Матасова Т.А., Тарасов А.Е.* Свидетельства о начале Николо-Улейминской обители в памятниках книжности XVIII в. // Барградский сборник. Вып. 2. М., 2020. С. 21–48.

⁷ *Тарасова Н.П., Тарасов А.Е.* Источники по истории Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2(41/42). С. 197–219.

⁸ Покровский Паисиев, Николаевский Антониев, Николаевский Улейминский монастыри, процветавшие до революции, были закрыты советской властью, Кассианову Учем-

скую пустынь упразднили ранее, в ходе секуляризации Екатерины II, однако храмы продолжали функционировать до 1930-х гг. как приходские церкви. Почитание прп. Кассиана в XVIII и XIX вв. было велико, о чём свидетельствуют многочисленные списки его жития, в том числе недавно выявленные (ОР РГБ, ф. 722, д. 910, л. 41–131 об.; ф. 299, д. 281, л. 67–106). Сердечно благодарю А.А. Манохина за предоставление этих сведений. Информацию об известных ранее житиях см.: *Сосновцева Е.Е.* Житие Паисия Угличского... С. 30–50; *Алексеева Е.Л.* Рукописная традиция жития Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Уchemского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2008. С. 34–42. Недавно введён в научный оборот ещё один список Жития прп. Кассиана 1686 г. (ОР РГБ, ф. 218, д. 1406, л. 43–108; см.: *Крутова М.С.* Неизвестный лицевой список Жития преподобного Кассиана Угличского // Румянцевские чтения – 2021. Материалы международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021 г.). Ч. 1. М., 2021. С. 481–486), в котором представлены уникальные миниатюры, в том числе с видами Кассианова монастыря (ОР РГБ, ф. 218, д. 1406, л. 2 об., 42 об.; опубл.: *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Уchemский... С. 157, 158). Интересен и список Жития прп. Кассиана XIX в., происходящий из Оптиной пустыни (ОР РГБ, ф. 214, д. 187). Автор этих строк готовит критическое издание Жития прп. Кассиана Уchemского в совокупности его выявленных к настоящему времени списков и редакций, а также исследование по истории обители, основанной прп. Кассианом.

⁹ Иконостас Спасо-Преображенского собора Углича, выполненный артелью иконописца Оружейной палаты Фёдора Никитина Рожнова около 1706 г., – выдающийся памятник живописи того времени (*Горстка А.Н.* Иконы Углича... Кат. № 43–56. Ил. 73–93).

¹⁰ Своего рода тайной жизнью прп. Кассиана до пострига является не только для современных исследователей. В сохранившемся списке Уchemского синодика 1712 г. после упоминания имени прп. Кассиана оставлено пустое место, чтобы знающие люди могли вписать сведения о его предках (Мышкинский народный музей, № 15, л. 45 об. Благодарю Е.А. Наумову за возможность ознакомиться с фотокопиями памятника). Ранее исследователи (О.Б. Карсаков, Ю.Б. Куницына) датировали синодик концом XVII в., что, как показывают последние наблюдения, неверно (*Матасова Т.А.* Монастырь и мир: Кассианова Уchemская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 1. М., 2022. С. 247–248).

¹¹ *Матасова Т.А.* Монастырь и мир...; *Матасова Т.А.* Расцвет обители прп. Кассиана Уchemского в конце XVII – первые десятилетия XVIII века // Пётр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. М., 2022. С. 434–440.

¹² *Корзинин А.Л.* Двор великой княгини Марии Ярославны // Вестник СПбГУ. История. Т. 65. 2020. Вып. 1. С. 19–48.

¹³ *Конявская Е.Л., Корзинин А.Л., Матасова Т.А., Полюхов С.В., Шишкин В.В.* Русские княгини и их дворы в XI–XVI вв. М., 2023 (*в печати*).

¹⁴ *Сагнак И.В.* Тихая святость. Угличское почитание святости благоверного князя Андрея Васильевича Большого и его сыновей Иоанна (преп. Игнатия) и Димитрия // Сообщения научных конференций... С. 55–63; *Сагнак И.В.* Об углическом Староверии: статьи разных лет. Углич, 2014. С. 57–64.